

К.А. Шафранова

**Деконструкция поэзии как онтологии
в постмодернистской концепции метафизики отсутствия**

K.A. Shafranova

**Deconstruction of Poetry as Ontology
of the Postmodernist Concept of the Metaphysics of Absence**

Статья посвящена исследованию деконструкции поэзии как онтологии в философском дискурсе постмодерна через концепт «метафизика отсутствия». Отказ от метафизики присутствия видится постмодернистам наиболее перспективным способом развития философии. Автор статьи полагает, что попытка представителей постмодерна построить новую онтологию за счет разрыва связи бытия и языка является несостоятельной и отстаивает тезис о конце философии как онтологии, вытекающий из трактовки бытия как поэтического произведения.

Ключевые слова: философия, онтология, поэзия, метафизика присутствия, поэтическое мышление, метафизика отсутствия.

Идея поэзии как онтологии получила свое развитие в позднем периоде философии М. Хайдеггера. Разрабатывая положения своей фундаментальной онтологии, немецкий философ указывает на непосредственную связь Dasein (вот-бытие) и Sein (бытие). Основанием этой связи является тот факт, что экзистенция есть единственное сущее, вопрошающее о смысле бытия и тем самым «устанавливающееся к бытию». Бытие, в свою очередь, выступает как сущность, имеющая в себе необходимость открытости по отношению к Dasein. Однако, по мнению самого Хайдеггера, такая позиция может быть сведена к формированию антропологической и субъективистской метафизики, где существование заменяет сущее. Это разрушает первоначальный замысел философа, а именно: бытие как таковое не может быть сведено к человеку, осуществляющему «набросок бытия». В «Письме о гуманизме» читаем: «Мыслью о-существляется отношение бытия к человеческому существу. Мысль не создает и не разрабатывает это отношение. Она просто относит к бытию то, что дано ей самим бытием. От-ношение это состоит в том, что мысль дает бытию слово. Язык есть дом бытия» [1, с. 192]. Таким образом, не Dasein «говорит» и тем самым конституирует бытие, а бытие в своем «говорении» осуществляет себя в Dasein. В связи с этим становится очевидным и внутренне оправданным «поворот» Хайдеггера к пониманию бытия как наличности и подлинности, выступающей в поэтической структуре «сокрытия и

The article analyzes the deconstruction of poetry as ontology in the postmodernist philosophical discourse from the viewpoint of the metaphysics of absence concept. Postmodernists see abandoning the concept of the metaphysics of presence as the most promising way for the evolution of philosophy. The author believes that building a new ontology by way of breaking the bond between the objective reality and the language is untenable and defends the idea of the end of philosophy as an ontology resulting from the treatment of the objective reality as a poetical work.

Key words: philosophy, ontology, poetry, metaphysics of presence, poetical thinking, metaphysics of absence.

открытия», отстаивающей принципиальную самостоятельность сущего самого по себе.

Возвращаясь к традиции Новалиса и Гельдерлина, которые увидели в поэзии единственную возможность познать мир, Хайдеггер полагает, что вопрос о сущности художественного творения может по-новому высветить вопрос о бытии. Поэтическое творение имеет прямую связь с истиной бытия, и лишь через него эта истина становится событием. Поэзия как способ самораскрытия бытия не может быть инструментом его постижения благодаря натяжению в ней онтологической структуры спора «мира» и «земли», которая уже сама по себе может быть понята как поэтическое произведение. В этом случае поэзия становится онтологией, выражающей непосредственную связь бытия и языка.

Эта мысль Хайдеггера, на наш взгляд, в завершенном виде может иметь некоторое следствие, а именно завершение философии как онтологии. Философия, таким образом, если она выходит на постижение бытия, сохраняет некоторую гносеологическую направленность, но, по сути, является лишь тем, что толкует поэзию, а специфический философский дискурс становится экзистенциально пустым и ненужным.

Однако философов не может устраивать такое положение дел. Один из выходов из создавшегося положения может быть представлен в попытке разрыва непосредственной связи бытия и языка и поиске новой онтологии как метафизики отсутствия.

Эту попытку осуществляет Жак Деррида, который выступает с критикой рационалистической философии как репрессивной идеологии. Он подвергает ревизии идею о наличном смысле. Наличное как настоящее не присутствует в единственном варианте, а сразу существует в двух измерениях: в еще-не-настоящем прошлом и в уже-настоящем будущем, которые конституируют два смысла – уже-не-настоящее и еще-не-наступившее настоящее. Таким образом, настоящее не совпадает само с собой, в связи с чем и возникает различие смысла и бытия. Это «исходное различие» Деррида обозначается термином «различание» (*Differance*), которое содержит кроме смысла «не быть тождественным» также и смысл «откладывать на более поздний срок». В этом плане настоящее является как бы отсроченным, т.е., только став прошлым, оно конституирует себя как настоящее. Отсюда знак первичен по отношению к смыслу, следовательно, в процедуре означивания мы порождаем смыслы, которые всегда плюральны или контекстуальны.

Метафизика отсутствия как понятие постмодернистской философии, основанное прежде всего на концепте постметафизического мышления, отказывается от понимания и слушания бытия в качестве наличного и ставшего и трактует его как «нон-финальную процессуальность». В этом смысле хайдеггеровская поэзия как онтология с точки зрения философии постмодерна оказывается метафизикой присутствия, в которой мир представлен в виде единственно возможного и истинного порядка.

Метафизика отсутствия, попытавшись разрушить непосредственную связь бытия и языка, сдвигая ее во времени и удваивая смыслы, пытается вернуть философии ее онтологический статус, пусть даже и отрицая его. Бытие перестает быть наличием и присутствием, а выступает как принципиально незавершенный процесс. На первый план выходит неопределенность как наиболее значимая онтологическая единица, отрицающая один-единственный смысл, снимая тем самым проблему истины. Философия тогда становится той процедурой, которая в конечном счете конституирует и порождает смыслы в их актуальности.

Хайдеггеровское противостояние открытия и сокращения сущности разрушается в философии постмодернизма интенцией на принципиальную открытость для построения актуальных смыслов. Поэзия в этом отношении становится «поэтическим», т.е. утрачивает свое универсальное значение и является всего лишь формой дискурса в онтологии текстов. Тем самым постмодернистская судьба поэзии отражается в концепции постмодернистской чувствительности и понятии поэтического мышления, выступающих в роли принципов дискурса, преодолевающего пороки философии как метафизики присутствия.

Становление концепта поэтического мышления в постмодернизме происходит на основе критики

традиционного понятийного мышления. Понятийное мышление, поддерживающее идею универсализма и претендующее на создание метаязыка, не может уловить с помощью универсальных средств «частные», «единичные» моменты человеческого бытия. Поэтому уже в самом начале своего существования постмодернизм предлагает отказаться от попыток выразить конкретный опыт индивидуального переживания на языке понятийно-рациональных конструктов. Также постмодернисты отвергают ведущие позиции научного дискурса в оценке других познавательных практик и считают, что язык науки не является тем метаязыком, в понятиях которого могут быть представлены и оценены другие языки. Развивая идеи модернизма о том, что образные и аллегорические фигуры речи имеют для человеческого духа большее значение, чем строгие и ясные понятия, постмодернизм утверждает приоритетность метафорических структур мышления по отношению к традиционным логическим формам.

Положение о метафоричности (а значит, и поэтичности) философского дискурса является центральной частью концепции постмодернистской чувствительности, главный тезис которой заключается в признании поэтичности любого мышления, в том числе и теоретического. При этом, по мнению Ж. Деррида, нельзя говорить о превосходстве литературы над философией, как это часто делают сторонники и последователи деконструктивизма. Следует говорить о ниспровержении установившейся иерархии противопоставления «серьезного» литературного творчества (к которому относятся философия, история, наука и т.д.) заведомо «несерьезным» формам литературы, основанным на фантазии и «методике вымысла», а именно формам художественной литературы. Иными словами, Деррида не считает правомерными принципы демаркации «серьезного» и «несерьезного» языка, поскольку те общепринятые истины, к раскрытию которых стремится «серьезная» литература, являются, с точки зрения французского мыслителя (и здесь он выступает как последователь Фр. Ницше), всего лишь «фикциями», о которых давно забыли как о фикциях и которые стали принимать за действительность. Это произошло потому, что из человеческой памяти уже стерлась метафоричность изначального словоупотребления этих фикций.

Из признания метафоричности философского языка вытекает идея Ж. Деррида о глубинном родстве философии и поэзии. Деррида полагает, что философию можно рассматривать как специфический литературный жанр, который можно поместить рядом с поэзией. Поддерживая эту позицию французского мыслителя, американский философ Ричард Рорти в статье «От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов» обращается к осмыслению фигуры интеллектуала, совпадающего

в своей идейной направленности с фигурой философа-постмодерниста. Западный интеллектуал, рассматривая религию и философию как жанры литературного творчества, читает философские, а также религиозные произведения не так, как их читают другие люди (в том числе и философы метафизического склада, отдающие предпочтение не поэтическому, а понятийному мышлению). Интеллектуал считает эти книги не размышлениями о Боге или Истине как самостоятельных трансцендентных сущностях, а только человеческими попытками удовлетворить человеческие потребности. Р. Рорти пишет о том, что литературный интеллектуал не может представить себе, что ответ на вопрос: «Что такое истина?», – когда-нибудь может быть получен, и он не считает, как философ-метафизик, что «есть некий один и единый набор верований (beliefs), который может играть искупительную роль в жизни всех человеческих существ, который можно рационально доказать всем человеческим существам при оптимальных условиях коммуникации и который, таким образом, станет естественным завершением процесса познания» [2, с. 34].

Философы, позиционирующие себя в качестве литературных деятелей (в которых мы узнаем философов-постмодернистов), не верят в существование единого истинного описания реальности, определяющего, согласно какому единственному набору правил человеку следует жить. Они верят в человеческое воображение и идею развития человеческого «Я» через знакомство с разными способами человеческого бытия: «...чем больше ты прочитал книг, чем больше способов человеческого существования ты узнал, тем в большей степени ты сам стал человеком – тем меньше тебя соблазняют мечты уйти от времени и случая, тем больше ты убежден, что мы, люди, можем полагаться лишь на самих себя» [2, с. 35]. Таким образом, вторя Ж. Деррида, Р. Рорти выражает идеи метафизики отсутствия при помощи понимания философского дискурса как дискурса, выступающего от лица воображения, истории и случая, а не единственной вневременной метафизической истины.

В результате анализа деконструкции идеи поэзии как онтологии мы можем сделать вывод о том, что ме-

тафизика отсутствия имеет смысл только при условии постулирования разрыва между знаком и смыслом. Этот разрыв, с нашей точки зрения, можно произвести только тогда, когда мы задаем первичность антропологического и субъективного характера вот-бытия по отношению к бытию как таковому. Такая трактовка не снимает вопрос о сущности бытия как присутствия, а, по сути, замещает вопрос о смысле бытия призывом игнорировать этот смысл. Тем самым такая позиция возвращает постметафизическое мышление к классическим рациональным традициям, а именно к размежеванию между сущностью и существованием.

В поэтическом произведении, согласно Хайдеггеру, происходит рождение на свет истины о сущем. Поэтическое творение не вещественно, оно «стоит в самом себе». Благодаря этому оно не принадлежит миру, этот мир пребывает в нем. Художественное творение не является ссылкой на какой-то трансцендентный смысл, оно не указывает на какое-то значение, подобно знаку. Поэтому истина художественного произведения не конструируется зрителем, как это делается в классической эстетике, а принуждает созерцателя пребывать при нем. «Восход» своего мира в поэтическом произведении означает, что мир вступает в свой покоящийся облик: «...облик стоит на своем месте, он как бы обрел свое соразмерное земле бытие. Благодаря этому создание искусства обретает присущий ему покой» [3, с. 75]. Бытие его не в том, чтобы стать переживанием, а в том, чтобы стать со-бытием, откровением подлинного.

Таким образом, поэзия как онтология возвращает смысл вещам и дает возможность постичь этот смысл в акте поэтического творения. Эта мысль и обосновала переход Хайдеггера от экзистенциальной аналитики Dasein к работе с поэтическим текстом как дискурсом, заменяющим традиционные языковые философские практики. Нам представляется, что Хайдеггеру удалось решить ту проблему, которую поставил, но не решил постмодерн – создать принципиально новую онтологию, преодолевающую недостатки классических, неклассических и постнеклассических парадигм философствования, а также предполагающую движение философской мысли от языка традиционной классики к языку поэзии как языку бытия.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер. Время и бытие. – М., 1994.
2. Рорти, Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов / Р. Рорти // Вопросы философии. – 2003. – №3.

3. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – М., 1993.